

На правах рукописи

Уланов Филипп Игоревич

**КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
1812 Г.**

Специальность 5.6.5. – Историография, источниковедение, методы
исторического исследования

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Москва 2026

Работа выполнена на кафедре истории и теории исторической науки исторического факультета Историко-архивного института федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (ФГАОУ ВО «РГГУ»)

Научный руководитель:

Иллерицкая Наталия Владимировна
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Корзун Валентина Павловна
доктор исторических наук, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского»; кафедра всеобщей истории; главный эксперт кафедры

Дмитриева Наталья Валерьевна
кандидат исторических наук, федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»; институт истории; кафедра истории России с древнейших времён до XX века; доцент

Ведущая организация:

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Государственный академический университет гуманитарных наук»

Защита состоится «25» сентября 2026 г. в 16:00 на заседании диссертационного совета 24.2.366.01, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (ФГАОУ ВО «РГГУ»), по адресу: 125047, г. Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Российского государственного гуманитарного университета по адресу: 125047, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6 и на сайте РГГУ: <https://www.rsuh.ru/dissovet/d-212-198-03/soiskateli/ulanov-filipp-igorevich.php>

Автореферат разослан: «__» _____ 2026 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук, доцент

Елена Владимировна Барышева

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Поскольку историческая память является краеугольным камнем национальной идентичности и самосознания людей, институты государственной власти интерпретируют исторические события в политическом контексте, и они становятся интеллектуальным содержанием коммеморативных практик – специальных мероприятий, направленных на формирование и трансляцию представлений о прошлой реальности. И тогда прошлое предстает как образ, сконструированный на основе актуальных запросов общества. Происходит это с помощью организации исторических праздников и других церемоний для сплочения общества путём формирования общей картины прошлого у людей. Проведение юбилеев исторических событий не является спонтанным желанием власти или общества: предварительно то или иное эпизод прошлого актуализируется в коллективной памяти под влиянием внешних обстоятельств. Участвуя в практиках коммеморации, люди не только оживляют старые воспоминания, но и изменяют их. На уровне отдельных сообществ повторяемые церемонии коммеморации вносят новые интерпретации истории и поддерживают ощущение континуитета памяти.

Отечественная война 1812 г. является одним из ключевых событий российской истории, память о котором формирует национальную идентичность и самосознание российского населения на протяжении двух последних столетий. Данное исследование посвящено комплексному изучению коммеморативных практик Отечественной войны 1812 г. в Российской империи, в СССР и в Российской Федерации. При этом нарративы исторической памяти анализируются в непосредственном социальном и интеллектуальном контексте исторического времени проведения тех или иных торжеств. Исследование нарративов исторической памяти в контексте эпохи позволяет глубже понять политику государства и мировоззренческие установки, сознательно формируемые у общественности. Важно осмыслить самостоятельное восприятие обществом событий прошлого, его трактовки и то, какие нарративы исторической памяти оно создаёт под влиянием государства.

Таким образом, коммеморативные практики Отечественной войны 1812 г. в историческом контексте можно определить как актуальную научную **проблему** современного историописания.

Степень изученности темы. В дореволюционной историографии юбилеи и церемонии не были объектом специального изучения историков. В советской историографии коммеморативные практики напрямую не изучались, имел место лишь интерес отдельных исследователей к темам, так или иначе связанным с юбилейными мероприятиями. Историки и филологи анализировали влияние юбилеев Бородинской битвы на содержание трудов дореволюционных исследователей, подчеркивая их идеологическую ангажированность или актуализацию темы войны в русской журнальной периодике первой четверти XIX в. Становилась объектом изучения и русская послевоенная мемуаристика. Однако эти работы можно считать лишь предтечами современных мемориальных исследований.

В современной историографии активное изучение юбилейной тематики началось уже в конце XX в., после совершившегося в мировой исторической науке «мемориального поворота» и последующего за ним всплеска интереса историков к проблематике памяти.

Изучив комплекс исследовательской литературы по теме, автор счел возможным разделить его на историографические блоки.

Первый блок работ составляют труды, посвященные изучению юбилейных мероприятий в Российской империи (5-ти, 25-ти и 100-летние годовщины). Исследователи А.В. Горбунова, Т.Н. Иванова, Е.Г. Болдина, С.А. Малышкин, С.Н. Селедкина и К.Н. Цимбаев детально изучили церемониальные формы коммеморации юбилеев, а именно проведение официальных торжественных мероприятий и религиозную составляющую церемоний, в процессе сакрализации образа монарха, установку мемориалов на Бородинском поле и процессы музеефикации. Историки В.В. Лапин и В.Н. Земцов анализировали проблематику взаимодействия власти и общества и формирование типов памяти. А.В. Буганов и М.Г. Вандалковская сосредоточились на проблеме восприятия войны её современниками, прежде всего крестьянами. О.О. Дмитриева рассмотрела все виды коммеморативных

практик на протяжении 1812-1912 гг., а также взаимодействие общества и государства в процессе их формирования и реализации.

Из зарубежных исследователей к изучению юбилеев обращался, прежде всего, Р. Уортман. Исследователь анализировал роль символических репрезентаций в возвышении и сохранении российской монархии начиная с правления Петра I и заканчивая отречением Николая II.

Во второй блок входят работы, посвященные 150-тилетнему юбилею Отечественной войны 1812 г. Следует отметить, что текстов по этой проблематике на порядок меньше, поскольку основное внимание исследователи уделяют именно дореволюционным практикам коммеморации. Историки Н.Н. Родигина и Т.А. Сабурова показывают, что юбилейный дискурс использовался для трансляции образцов поведения, формирования «мест памяти», которые локализовались во времени и пространстве в виде памятных дат и географических названий. Работа А.Л. Махнырёва содержит общие выводы относительно политических задач юбилея, таких как десталинизация и противопоставление странам Запада Советского Союза.

К третьему блоку относятся труды, посвященные недавно прошедшему 200-летнему юбилею войны 1812 г., рассматривающие данное торжество с разных позиций. Историки А.И. Миллер, О.Ч. Реут, Т.П. Тетеревлева и В.Н. Земцов излагают историю политики памяти в современной России и то, как происходят процессы формирования исторической памяти в публичном пространстве. Статьи А.Д. Соколовой, Т.А. Булыгиной, Т.Н. Кожемяко, А.В. Гладышева и И.А. Шеина дают крайне подробный обзор мемориальных мероприятий, посвященных войне 1812 г., проходивших в юбилейном 2012 году. Отдельно стоит отметить коллективную монографию 2020 г. под редакцией О.С. Поршневой, Н.Н. Баранова и В.Н. Земцова. В ней авторский коллектив анализирует проблемы формирования и эволюции исторической памяти о событиях Наполеоновских войн и Первой мировой войны народов стран – их главных участников (России, Франции, Германии и Великобритании), роль политики памяти и её особой формы – юбилеев – в конструировании представлений о военном прошлом, образам войны и историческим мифам.

Анализ историографии позволяет сделать вывод, что нарративные формы коммеморации Отечественной войны 1812 г. фактически не становились самостоятельным объектом исследования, и более того, не анализировалась динамика трансформаций этих нарративов исторической памяти на протяжении последних двух столетий. Преимущественно внимание ученых сосредоточено на государственной и общественной инициативе в проведении юбилейных мероприятий.

Объектом исследования является историческая память в России об Отечественной войне 1812 г. на протяжении XIX – XXI вв.

Предметом исследования являются бытование нарративных и церемониальных форм коммеморации праздничных мероприятий 5-тилетнего, 25-тилетнего, 50-тилетнего, 100-летнего, 125-тилетнего, 130-тилетнего, 150-тилетнего и 200-летнего юбилеев Отечественной войны 1812 г. в интеллектуальном контексте времени.

Хронологические рамки исследования. Нижней хронологической границей исследования является 1817 г., когда была проведена первая торжественная церемония, посвященная празднованию победы в Отечественной войне 1812 г. Верхней хронологической границей стал 2012 г. – год последнего проведенного в России юбилея. В исследовании непосредственно рассматриваются своеобразные реперные точки – годы, в которые проводились юбилеи и торжества, что позволяет проследить динамику развития и преемственности коммеморативных практик.

Цель работы – определить структуру и содержание исторической памяти об Отечественной войне 1812 г. на протяжении XIX-XX вв.

Для достижения данной цели были поставлены и решены следующие **задачи**:

1. Выявить нарративные и церемониальные практики коммеморации первой половины XIX в., направленные на конструирование «живой» памяти поколения-участника войны 1812 г.
2. Определить коммеморативные практики Отечественной войны 1812 г., призванные конструировать социальную память нескольких поколений, родившихся уже после войны, и итог их развития в Российской империи на протяжении XIX – начала XX в.

3. Выяснить особенности процессов формирования культурной коллективной памяти в СССР и их взаимосвязь с дореволюционными коммеморативными практиками.

4. Рассмотреть коммеморации 200-летнего юбилея войны 1812 г. и динамику развития и преемственности коммеморативных практик на протяжении изучаемого периода.

Коммеморативные практики основываются на открытых интеллектуальных коммуникациях, поэтому **источниковая база исследования** сформирована из опубликованных источников, как наиболее влиятельных инструментов воздействия на публичное пространство. Таким образом, источниковая база включает, в первую очередь, материалы периодики, а именно газеты и общественно-политические журналы, издания, приуроченные к юбилейным торжествам и официальные (санкционированные властью) научные и историко-публицистические издания, источники личного происхождения, официальные документы.

Периодическая печать как источник является важнейшим средством конструирования исторической памяти. Применимо к дореволюционному периоду использовались издания разных направлений, которые представляют широкую палитру мнений публицистов и журналистов и разнообразие общественных настроений по нашей теме («Санкт-Петербургские ведомости» 1728-1917 гг., «Московские ведомости» 1756-1917 гг., «Северная почта» 1809-1819 гг. и т.д.) и журналы («Исторический, статистический и географический журнал» 1790-1830 гг., «Вестник Европы» 1802-1830 гг.; под ред. Н.М. Карамзина, «Русский вестник» 1808-1824 гг. и т.д.).

В советский период пресса выражала государственную точку зрения, тем ни менее она имеет ключевое значение для понимания смыслов исторической памяти, бытовавших в эпоху советских юбилеев Отечественной войны 1812 г. В нашем исследовании советская периодика представлена главными и повсеместно читавшимися коммунистическими газетами «Правда» (1912-1991 гг.) и «Известия» (1917-н.в.), газетами военных ведомств «Красная звезда» (1924-н.в.), «На страже Родины» (1918-н.в.), «Сталинский боец» (1942-1944 гг.) и научным историческим журналом «Вопросы истории» (1931-н.в.), рассчитанным на профессионалов.

В современную эпоху медиа и СМИ по-прежнему сохраняют решающее значение в процессе конструирования исторической памяти, тем более что их круг расширился. Теперь он включает не только печатные газеты и журналы, но и интернет-издания («Российская газета» (1990-н.в.), «Коммерсант» (1989-н.в.), «Знание–сила» (1991-н.в.), «Дилетант» (2012-н.в.) и др.). Данный тип источников является одним из важнейших способов открытой интеллектуальной коммуникации в публичном пространстве и, соответственно, важнейшим инструментом трансляции различных нарративов исторической памяти.

В источниковедческий контент включены многочисленные популярные издания, особенно широко распространенные в эпоху 100-летнего юбилея войны (авторы Н.Д. Неелов, Н.Б. Голицын, И.М. Снегирев и др.). Наравне с этим были изучены и научные сочинения (авторы К.Ф. Толь, И.П. Липранди, В.И. Чернопятков, и т.д.) Ещё дореволюционный период характерен тем, что власть санкционировала написание научных работ по истории войн 1812-1815 гг. официальными историографами: А.И. Михайловским-Данилевским и М.И. Богдановичем. Важность этого типа источников определяется тем, что они содержат сформулированные нарративы исторической памяти, призванные влиять на общественные представления о прошлом. А политическая принадлежность их авторов позволяет определить каким акторам коммеморации принадлежат данные нарративы: государству или каким-либо общественным структурам.

Широко использовались источники личного происхождения: мемуары и переписка исторических личностей изучаемых эпох (А.М. Михайловский-Данилевский, Д.В. Давыдова, А.С. Пушкина и др.). Данный вид источников репрезентирует представления разных слоёв общества на те или иные коммеморативные мероприятия и степень актуализированности памяти о войне 1812 г.

Отдельную группу источников составили официальные постановления и царские манифесты относительно проведения торжественных мероприятий. Другой важной группой источников, относящихся к периоду Российской империи, являются издания, посвященные юбилейным церемониям и дающими детальные описания происходивших мероприятий.

Также использовались опубликованные документы, посвященные юбилеям советского и постсоветского периода. Данные виды источников позволяют осмыслить церемониальные формы коммеморации и выявить заложенные в них символические значения, формирующие историческую память.

Таким образом, была сформирована репрезентативная источниковая база, которая дала возможность решить поставленные научные задачи.

Теоретико-методологические основания исследования. Теоретико-методологической основой исследования является теория исторической памяти. В контексте нашего исследования важно определиться с пониманием коллективной памяти. В свете интеллектуальной традиции М. Хальбвакса и П. Нора мы можем понимать её как социальный конструкт и групповую идентичность. Коллективная память находится в постоянном изменении, будь то изменения, которые происходят с ней собственным путем или попытки осознанных манипуляций и трансформаций, в том числе и со стороны государства. Важно добавить, что память – это актуальный феномен, переживаемая связь с вечным настоящим.

Для исследования необходимо дать определение такого понятия как **коммеморативные практики**. Особенно важным это является на фоне отсутствия четкого и устоявшегося определения этого термина в российской исторической науке. При этом, как отмечают исследователи, в отечественной историографии идёт процесс активного осмысления методологических дефиниций, связанных с направлением *memory studies*.

Начать стоит, конечно же, с довольно очевидного факта – это теснейшая взаимосвязь коллективной исторической памяти и коммеморативных практик, более того, можно сказать, что одно не существует без другого. Если память можно представить в качестве совокупности восприятий, представлений, суждений и мнений относительно прошлого, которое воплощается в исторических событиях, явлениях и личностях, то коммеморации включают все разновидности конструирования, фиксации, распространения и изменения памяти, выражающиеся в виде открытой интеллектуальной коммуникации. Поскольку природа коллективной памяти является социальной, то память не может быть статичной и распространяется в социальных группах и обществе,

что и порождает её своеобразный синтез с коммеморациями. В данном случае открытость коммуникаций можно объяснить, во-первых, формами передачи нарративов памяти, будь то рассказы о прошлом в узком семейном кругу, всевозможные СМИ и печатные издания, исторические праздники и юбилеи, а во-вторых, стремлением памяти распространиться на всех членов социальной группы или даже выйти за её рамки, чтобы вытеснить или поглотить конкурирующие нарративы.

В более широком контексте *memory studies* находятся в русле направления интеллектуальной истории. Оно изучает формы и содержание интеллектуальной творческой деятельности человека, взаимодействие этих форм с историческими условиями их возникновения, распространения и развития, а также динамичное во времени и пространстве взаимовлияние результатов интеллектуальной деятельности человека и исторической среды. Здесь важно отметить, что при исследовании автор опирался на контекстуальный подход, который, применительно к исследованиям по мемориальной истории, можно определить, как анализ нарративов исторической памяти в условиях исторического времени, когда они создавались и бытовали. Речь идёт о тех социальных, политических, культурных, религиозных и интеллектуальных конъюнктурах, которые сформулировали запрос на создания нарративов исторической памяти, и в которых создавали и творили авторы этих нарративов.

Основываясь на описанной теоретической парадигме, методология исследования детерминируется дискурс-анализом, который подразумевает представление о дискурсе как о сложном коммуникативном явлении, включающем акт создания определенного текста, а также его зависимость от внешних факторов – знаний о мире, мнений, установок и конкретных целей автора. Кроме этого, дискурс-анализ является методом интерпретации текстов исторических источников, включающим выявление дискурсов внутри одного источника на основе выделения общей темы, терминологии места в смысловом поле; классификацию групп дискурсов внутри одного текста и их описание; исследование взаимоотношений между этими группами внутри текста и их связей с дискурсами в других исторических источниках; интерпретацию взаимосвязей различных значений дискурса и конкретных

символов в текстах, их эволюции в течение определенного исторического периода. В качестве вспомогательных методов в исследовании используются методы конструкции и деконструкции, а также компаративный анализ конкурирующих нарративов исторической памяти, который позволяет выявить их преемственность друг с другом и их индивидуальные черты. Это дает возможность увидеть сходства и различия коммеморативных практик изучаемых эпох.

Научная новизна диссертационного исследования.

1. Впервые рассмотрена динамика празднования юбилеев Отечественной войны 1812 г. на всем их протяжении: от первого и до последнего на данный момент. Сквозь призму каждого юбилейного празднества, с учетом изменений эпох и их интеллектуального контекста, изучены трансформации в обществе и идеологии, а также специфика конструирования исторической памяти в России.

2. В работе показан генезис основного комплекса нарративов исторической памяти в XIX в. Выявлены идеи, которые появлялись в общественном дискурсе, как, например, идея о «народной победе в войне» в середине XIX в. применимо к каждому юбилею и с учетом изменяющегося контекста.

3. Проанализирована трансформация нарративов исторической памяти через призму каждого юбилейного торжества на протяжении изучаемого периода, особенно в условиях смены власти в стране и появления новых идеологических ориентиров.

4. В диссертации показано, как на интеллектуальную составляющую коммеморативных практик влияла саморепрезентация власти в актуальное юбилеям время.

5. Проанализировано, как формировались альтернативные нарративы исторической памяти и как они, в свою очередь, развивались и эволюционировали, на протяжении изучаемой эпохи.

Практическая значимость исследования. Результаты исследования могут быть использованы в лекционных и семинарских курсах по истории России, *memorial studies*, интеллектуальной истории.

Апробация исследования. Диссертация обсуждалась на кафедре истории и теории исторической науки исторического факультета Историко-архивного института РГГУ. Апробация промежуточных результатов исследования проводилась в форме выступлений на международных и всероссийских научных конференциях (РГГУ, ИРИ РАН). Отдельные положения диссертационного исследования представлены в виде 7 публикаций в научных изданиях (в. т.ч. 3 из перечня ВАК).

Основные положения, выносимые на защиту

1. Война 1812 г. стала одним из наиболее значимых событий в исторической памяти российского народа и неотъемлемым элементом государственной политики памяти. Несмотря на заметные отличия в идеологических основах России в разные эпохи, коммеморативные практики отличаются весьма схожей структурой и общими элементами. После актуализации темы войны 1812 г. в коллективной памяти общества в разные эпохи юбилеи инициировались государственной властью и сопровождались торжественными церемониями, участием первых лиц, а также большим количеством публикаций статей в прессе, книг и т.д.

2. Юбилейные торжества Отечественной войны 1812 г. начиная с самой первой годовщины в 1817 г. оказались вписаны в ряд других исторических праздников и стали частью феномена, получившего в историографии название юбилеямания.

3. Важной отличительной чертой коммеморативной политики является тот факт, что в разные эпохи в России в государственной политике использования прошлого преобладают державно-патриотические трактовки событий и исхода войны 1812 г., а также конструирование триумфального военного нарратива как основания для единства общества и государственной власти.

4. Изменения в составе участников процесса конструирования памяти о войне 1812 г. на протяжении XIX-XX вв. имели следующую динамику: в первой половине XIX в. фактически не существовало альтернативных и независимых от государства нарративов исторической памяти, т.е. ее конструированием занималось только государство. С середины XIX в. в разных общественных слоях появляются альтернативные мнения, и

государство перестаёт быть монополистом на этом поприще. Наконец, начало следующего, XX, столетия предъявляет целую палитру всевозможных мнений и интерпретаций истории войны с Наполеоном, которые сосуществуют с традиционными патриотическими коннотациями, в свою очередь меняющимися с течением времени. Советские годы, на первый взгляд, отличаются полной гегемонией официального нарратива, однако в научной и культурной среде можно выявить примеры альтернативных взглядов. В 2012 г. наблюдалось доминирование официального государственного нарратива в процессе формирования представлений людей об истории войны 1812 г. Несмотря на существование альтернативных нарративов исторической памяти, серьезного влияния на общественное мнение они оказать не сумели.

5. Комплекс нарративов исторической памяти, которые в том или ином виде фигурируют на протяжении всего рассматриваемого периода, можно деконструировать на отдельные компоненты. Характерно то, что большая их часть присутствует в интерпретациях разных эпох: от императорской до современной России. Отдельными, самыми важными темами являются поиск ответа на вопрос, кто сыграл ключевую роль в победе над Наполеоном, оценка деятельности и динамика образов Александра I, М.И. Кутузова и Наполеона, тема спасения Европы, определение исхода Бородинского сражения, причины отступления русской армии и пожара Москвы. В советские годы появились несколько самостоятельных составляющих нарративов исторической памяти, относящихся к осмыслению образа войны 1812 г. Новым ключевым коммеморативным элементом юбилейного дискурса стала попытка соединить в коллективной памяти советских граждан две отечественные войны: события Отечественной войны 1812 г. и Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Недавний опыт пережитого вторжения гитлеровских войск повлиял и на представление о войне с Наполеоном. Проявлялось это в языке описания войны на страницах периодики, делая эти события более близкими, понятными и более «живыми» для восприятия военного и послевоенного поколений. Идея объединения истории двух войн оказалась полностью унаследована и в современной России.

6. Главный актор процесса конструирования исторической памяти в России – государство. Вследствие этого главной отличительной чертой является сам тип формируемого нарратива – триумфальный, из чего проистекают логика и структура коммемораций. В рамках подобных нарративов государство представляет себя в качестве высшей ценности, а все нарративы исторической памяти существуют в некоем подобии дихотомии, и в том или ином виде относятся к одной из двух групп: прогосударственные и антигосударственные. В России коммеморативные практики во многом стали постоянным элементом политики государства, направленным на сплочение общества.

Практическая значимость диссертационного исследования обусловлена возможностью использования его результатов для проведения исследований в области исторической памяти и коммеморативных практик, интеллектуальной истории и истории России. Диссертационное исследование позволило по-новому взглянуть на интеллектуальные механизмы конструирования исторической памяти различными акторами в России и в полном объеме охватило происходившие трансформации коммеморативных практик в интеллектуальном контексте соответствующих эпох.

Материалы диссертационного исследования могут найти применения в преподавании. На основе положений данной работы может быть разработан специальный курс по истории отечественных коммеморативных практик и исторической политики в XIX-XXI вв. Результаты исследования могут быть также внедрены при чтении курсов по истории России, интеллектуальной истории и теории и методологии исторической науки. Выводы и обобщения диссертации могут быть также использованы в деятельности органов государственной власти Российской Федерации при разработке направлений исторической политики и планировании новых коммеморативных практик.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** сформулирована научная проблема исследования, обоснована ее актуальность, охарактеризована степень изученности темы, определены объект, предмет, цель и задачи работы, хронологические рамки исследования, его теоретические и методологические основания, источниковая база и научная новизна работы, обоснована структура диссертационного исследования.

В **первой главе** диссертации, **«Памятные даты и коммеморации Отечественной войны 1812 г. в Российской империи в 1810-е – 1830-е гг. XIX в.»**, проанализированы церемониальная и нарративная формы коммемораций в послевоенную эпоху истории Российской империи – первой половине XIX в.

Первый параграф посвящен 5-тилетней годовщине Отечественной войны 1812 г. (1817 г.) Послевоенная эпоха в истории Российской империи стала временем активного зарождения и формирования нарративов исторической памяти. Происходит увековечивание памяти о войне 1812 г. путем сооружения монументов и проведения массовых юбилейных мероприятий. В периодике можно увидеть оформление представлений о войне 1812 г., которые впоследствии станут устойчивыми элементами коммеморации на протяжении последующих двух столетий: это идеи об освобождении Европы Российской империей, особая невоенная роль Александра I в достижении победы и представление войны 1812 года, как войны народной, в которой участвовали все слои населения.

Государственные инициативы в мемориализации событий войны 1812 г. оказались активно восприняты обществом: участие народа в церемониальных мероприятиях или использование, хоть и ограниченное, определения войны в публицистике как отечественной, активнейшее обсуждение периода 1812 г. в публицистике. Это ещё раз подчеркивает, что в 1817 г. в определенной мере существовало совпадение интересов и запросов общества, по крайней мере образованной его части, с мемориальной политикой государства.

Второй параграф посвящен 25-тилетнему юбилею (1839 г.). Николай I в общих чертах своей коммеморативной политики стал на первый взгляд продолжателем дела своего старшего брата, императора Александра I. Однако

можно увидеть несколько важных особенностей в мемориализации памяти о войне 1812 г., присущих государству в период правления Николая I. Первая из этих особенностей – это создание единого официального нарратива Отечественной войны 1812 г. и заграничных походов 1813-1815 гг. Следующая особенность – это актуализация Бородинского сражения в качестве «места памяти». Главной идеей, которая транслировалась при помощи и юбилейных мероприятий, и исторических сочинений, и даже в периодической печати, стала концепция преобладающей роли царской власти в консолидации населения для борьбы с иноземным захватчиком. Более того, царская власть, в общем и целом, представляется главным благодетелем народа Российской империи.

Прошедшие 25 лет с момента окончания войны с Наполеоном показали, что высокая значимость этого события для страны способствовала активному развитию и конструированию памяти на разных её уровнях, особенно, пользуясь типологией А. Ассман, на уровне памяти политического коллектива нации или национальной памяти. Видны многие характерные свидетельства формирования этого типа памяти: её закрепление политическими институтами «сверху» в виде многочисленных коллективных ритуалов, памятниках и их насыщенной символической интенсивности. Кроме этого, можно сделать вывод, что закладываемые интерпретации прошлого в значительной мере повлияли на так называемую культурную память: куда более широкий, вневременной тип памяти, носящий транспоколенческий характер и закрепляющийся во всем многообразии материальных носителей.

Во второй главе диссертации, **«Коммеморативные практики Отечественной войны 1812 г. в Российской империи во второй половине XIX в.»**, анализируется социокультурный контекст эпохи середины XIX – начала XX вв., интеллектуальная составляющая церемоний и нарративных форм коммеморации и трансформации исторической памяти о войне 1812 г.

В первом параграфе исследуется период полувекового юбилея. Коммеморативную политику государства в середине XIX века можно охарактеризовать как половинчатую, поскольку и организационные, и финансовые ресурсы были направлены на праздник Тысячелетия России. Принципиальной монополией в формировании мнений о войне 1812 г. власть

к 1862 г. уже не обладала, и предположительно, тема войны с Наполеоном принесла государству больше осложнений, чем пользы. То, как агенты коммеморации – государство и определенная, интеллектуальная, часть общества – реагировали на пятидесятилетие войны 1812 г., демонстрирует факт нарождающегося раскола в обществе. Главный вопрос заключался в том, кому принадлежала ключевая роль в победе над Наполеоном, а как следствие, выявление общей значимости и ценности монархии в государственном устройстве и её взаимосвязь с народом. В рамках общественного дискурса середины XIX в. отчетливо видна зародившаяся тенденция интерпретации истории войны 1812 г. как войны народной.

Второй параграф посвящен празднованию столетней годовщине Отечественной войны 1812 г. в 1912 г. Столетний юбилей можно считать одним из крупнейших торжеств в Российской империи начала XX в. Говоря о церемониальной составляющей, 1912 г. вобрал в себя фактически весь опыт предшествующих юбилеев, продемонстрировав уже сложившуюся, устойчивую традицию празднования: военные смотры и парады, крестные ходы, молебны и праздничные обеды, встречи с аристократией и крестьянством, ещё к ним добавились праздничные чтения. К тому же праздник был наиболее масштабным среди череды юбилеев войны 1812 г. Однако все попытки царской власти репрезентировать своё единение с народом существовали лишь в виде официальных торжеств и на страницах монархической прессы.

Анализ периодической печати и исторических изданий показывает, что на характер этих нарративов повлияли, во-первых, уже существовавшая в эпоху 50-тилетнего юбилея тенденция к интерпретации истории войны 1812 г. как войны народной, во-вторых, смена политического мифа власти, и, в-третьих, цензурные послабления после революции 1905-1907 гг. Все это рисует картину плюрализма мнений относительно истории Отечественной войне 1812 г., причем далеко не все полностью или частично соглашались с официозной концепцией истории. Что немаловажно, как и в прошлые годы исторические сюжеты становились инструментом политической критики современности.

Нарративные формы коммеморации продолжили свое активное развитие во второй половине XIX в. – начала XX вв. То, как менялась интеллектуальная и политическая культура социума, находило свое отражение и непосредственно в формах коммеморации, посвященных истории Отечественной войны 1812 г. Отдельно стоит подчеркнуть, что для второй половины XIX в. характерен генезис и последующее развитие своеобразного конфликта нарративов памяти на уровне национальной памяти, а соответственно и явного конфликта и раскола между государством и определенной частью общества. Выражалось это многочисленными дискуссиями и критикой официально-государственных нарративов исторической памяти, которые транслировались в общество, а также конструированием нарративов исторической памяти, пронизанных новыми идеями, в частности, о заслугах народа в победе над Наполеоном.

Третья глава, «150-летний юбилей Отечественной войны 1812 г.», посвящена юбилеям войны, пришедшимся на время существования СССР. **Первый** параграф рассматривает интеллектуальный контекст периода актуализации памяти о войне 1812 г. в 1930-е – 1960-е гг. и церемониальным формам коммеморации. Память об Отечественной войне оказалась актуализирована советской властью под влиянием внешнеполитической угрозы и необходимости сплочения общества во второй половине 1930-х гг., и в дальнейшем усилилась в годы Великой Отечественной войны. К периоду своего 150-тилетнего юбилея в 1962 г. война с Наполеоном уже стала событием, широко освященным и имевшим устоявшиеся под влиянием идеологии оценки.

Во **втором** параграфе анализируются нарративные формы коммеморации 125-тилетнего и 130-тилетнего юбилеев войны 1812 г. 1930-е гг. под влиянием государственной политики характеризовались масштабным разворотом советской интеллектуальной культуры от авангардных поисков предшествовавшего десятилетия к более патриотическим настроениям, что отразилось, в том числе, и в нарративе исторической памяти о войне 1812 г. Однако же нарратив этот содержал и неотъемлемые для советской идеологии положения: главенствующая роль народа, крестьянских масс в войне 1812 г., а также дискредитация предшествовавшей царской власти. Весьма четко была

выражена мысль о том, что после установления большевистского режима народ, победитель Наполеона, который обязательно победит и Гитлера, получил достойную его власть, которая приведет его к новым победам. Под влиянием уже внешнеполитических обстоятельств, а именно начавшейся Великой Отечественной войны, произошла персонификация образа врага: от абстрактного буржуазного западного мира в 1937 г. к конкретному врагу — гитлеровской Германии — в 1942 г.

Третий параграф посвящен интеллектуальному контексту, а также церемониальным формам коммеморации 150-тилетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. Выпавший на период «оттепели» юбилей продолжил начатую в 1940-е гг. кампанию по отбору образов национальных героев войны 1812 г. (выстраивая их иерархию) и наделению их теми характеристиками, которые максимально соответствовали бы идеологическим потребностям текущего момента. В то же время, в партийных элитах, особенно после второй волны хрущевского развенчания культа личности И.В. Сталина после 1962 г. (с XXII съезда), раздавались голоса о необходимости переоценки значимости некоторых деятелей войны 1812 г., чья значимость в период правления Сталина оказалась преувеличенной.

Четвертый параграф посвящен нарративным формам коммеморации в эпоху 150-тилетнего юбилея Отечественной войны 1812 г. Этот юбилей должен был выполнить не только свою основную коммеморативную задачу, но и продемонстрировать некоторые изменения в трактовке войны относительно как эпохи правления Сталина, так и императорских времен. В текстах газетных и журнальных статей в том или ином виде отразилась десталинизация советского общества и государства, что выразилось в смягчении откровенно гипертрофированного прославления Кутузова. Впрочем, полководец по-прежнему представлял наиболее значимой фигурой своей эпохи. Советский патриотический дискурс, обусловленный доминирующим классовым подходом, в том числе в исторической науке, дискредитировал царскую власть и аристократическое окружение монархии лишь за малым исключением. Преемственность «истории великих побед» Российской империи и СССР преподносилась как преемственность истории сугубо народной. В то время как между двумя политическими режимами,

наоборот, провозглашался разрыв: советское государство позиционировало себя как принципиально новое и справедливое, в отличие от основанной на классовой эксплуатации власти в царской России. Героический народ, одержавший множество побед, наконец получил достойное его государство. И одна из наиболее значимых побед этого народа – над захватчиком Наполеоном.

Четвертая глава, «200-летний юбилей Отечественной войны», рассматривает последний на данный момент юбилей войны с Наполеоном в 2012 г., т.е. уже в постсоветский период.

Первый параграф посвящен характеристике интеллектуального контекста коммеморативной политики во второй половине 1980-х – 2010-х гг. В отечественной политике памяти наблюдалось несколько трансформаций: резкий взлёт интереса к истории во второй половине 1980-х гг., а затем его спад в 1990-е гг., дополненный тенденцией к примирению с прошлым. С началом XXI в. настал период активизации коммеморативной политики и даже войн памяти с соседними странами в 2000-е гг., после чего наступил период относительного затишья в начале 2010-х гг. В рамках исторической политики именно XXI в. сохраняется одна важнейшая тенденция – концентрация на позитивных моментах истории России, которые зачастую увязываются с действиями властей в стране в тот или иной исторический период.

Второй параграф посвящен анализу церемониальных мероприятий, а также общей структурной преемственности коммеморативной политики современного российского государства от предшествующих эпох. Например, заимствование в современной России циклической, ежегодной модели проведения военных парадов 9 мая, что в Советском Союзе было характерно для праздника 7 ноября – Дня Великой Октябрьской социалистической революции. В то время как юбилейные мероприятия 2012 г. имели характер, присущий императорской России – массовые торжества и реконструкции сражения на Бородинском поле. Российское государство крайне активно занималось подготовкой большого количества торжественных мероприятий, призванных продемонстрировать общенациональный характер войны 1812 г. и победы в ней. Важно подчеркнуть, что подобные действия государства

направлены на формирование на основе исторических событий общенационального самосознания.

В **третьем** параграфе проанализированы нарративные формы коммеморации и те интерпретации истории войны 1812 г., которые существовали в 2012 г. В освещении Отечественной войны 1812 г. в 2012 г. официальные нарративы исторической памяти, продвигаемые властью, по степени влияния на общественные умонастроения превосходили неофициальные. Влияние последних ограничивалось, как правило, аудиторией либеральных СМИ и оппозиционно настроенной частью общества, в то время как на стороне официального нарратива играли федеральные крупнейшие СМИ и информационные агентства с более широким вещанием. Стоит добавить, что 2012 г. продемонстрировал большую популярность темы войны в СМИ и разнообразие мнений о прошлом.

Нарративы исторической памяти, предлагаемые государственной властью, характеризуются полной преемственностью с прошедшими эпохами и соответствующими провластными интерпретациями истории. Державно-патриотическая повестка сохранила свою актуальность и во время 200-летнего юбилея Отечественной войны: героизм российской армии и полководцев, защита страны от французской агрессии, а также особая роль Отечественной войны 1812 г. в патриотическом воспитании современной молодежи.

Одной из характерных черт коммеморативной политики продолжает являться утверждение о том, что Заграничные походы 1813-1814 гг. стали спасением Европы. Здесь же содержится более широкая идея об особой и глубоко позитивной роли России в мировой истории, о ее исторической миссии. Унаследована и советская тенденция к проведению параллелей с Великой Отечественной войной 1941-1945 гг. Тем самым Российская Федерация в своей коммеморативной политике продолжила «победный нарратив» – конструирование «великого государства» вокруг его основных военных побед.

Фактически полностью выпавшей из юбилейной риторики оказалась идея «дубины народной войны». В официальных СМИ мы можем наблюдать тенденцию к развенчанию этого образа и представлению крестьянского ополчения как силы, занятой сугубо обороной и сохранением собственного

имущества. Определяющая роль в победе над Наполеоном принадлежит российской армии и государственным деятелям. Таким образом, имеет место возвращение к традициям монархической эпохи, причем в большей степени образца первой половины XIX в., когда доминировала идея единения народа и власти. Параллельно с этим акценты государственной идеологии смещаются к превознесению героев Отечественной войны 1812 г.: Александра I, М.И. Кутузова, М.Б. Барклая-де-Толли.

Независимые СМИ, представляющие альтернативные нарративы исторической памяти, продемонстрировали большее тематическое разнообразие: от конспирологических теорий до аналитических статей профессиональных историков.

Таким образом, если взглянуть на тематическую структуру нарративов исторической памяти об Отечественной войне 1812 г., можно обнаружить сюжеты, превалирующие ещё со времени самых первых юбилеев. Здесь и роль высшей власти, и уже устоявшиеся персоналии военных и политических деятелей, битвы и события, связанные с пожаром Москвы, идеи патриотизма и борьбы с Европой. Однако ключевые темы или места памяти, вокруг которых выстраиваются практически любые рассказы о войне 1812 г., полностью сформировались на протяжении XIX в. и оказались тем историческим наследием, которое существует до сих пор.

В Заключении подведены итоги работы. Российскую Империю, СССР и Российскую Федерацию, несмотря на существенные различия, объединяет активное проведение государством исторической политики с целью консолидации общества. Начиная с эпохи императорской России, празднование годовщин важнейших событий в истории государства превратилось в традицию, сформированную усилиями правительства.

Комплекс нарративов исторической памяти, которые в том или ином виде фигурируют на протяжении всего рассматриваемого периода, можно деконструировать на отдельные компоненты. Одним из них является ответ на вопрос о том, кто сыграл ключевую роль в победе над Наполеоном, и фактически эта объяснительная модель существует на двух уровнях: личность, одна или несколько, или социальные силы. И если в первой половине XIX в. главная роль отводилась царю Александру при важном содействии высших

военачальников, то с середины XIX в. начали появляться мнения и интерпретации, отдающие главенствующую роль в победе над Наполеоном народу. В советское время наибольшая значимость придавалась роли народных крестьянских масс при полной дискредитации заслуг царской власти. В постсоветской России произошло возрождение нарративов императорской эпохи, и на переднем плане вновь оказалась роль монарха, государственных и военных деятелей.

Ещё одним элементом нарративов исторической памяти является тема спасения Европы Россией, которая в первую очередь превозносила престиж власти в актуальном настоящем, но её тональность сильно зависела от внешнеполитических обстоятельств. Важными элементами нарративов исторической памяти являются, во-первых, определение исхода Бородинского сражения, и здесь исследование проиллюстрировало множество мнений на этот счёт: от подтверждения неоспоримой победы России до признания её поражения, а также наличие «средних» мнений, подразумевавших условную ничью. Во-вторых, многочисленные размышления о причинах отступления русской армии и пожаре Москвы как символе жертвы русского народа были широко представлены в императорской России. Они выявили историческую травму общества, связанную с болезненным отношением к неоднозначным оценкам событий той войны. Важное место в нарративах исторической памяти отводилось личности французского императора, причем отношение к нему было достаточно амбивалентным. Конечно, в публицистике изученных эпох Бонапарт фигурирует как враг России и завоеватель. Однако сохранялась и определенная доля уважения и восхищения императором.

В советские годы появились несколько самостоятельных составляющих нарративов исторической памяти, относящихся к осмыслению образа войны 1812 г. Новым ключевым коммеморативным элементом юбилейного дискурса стала попытка соединить в коллективной памяти советских граждан две отечественные войны: события Отечественной войны 1812 г. и Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Другим основополагающим в советской коммеморативной политике тезисом, о котором стоит упомянуть, является сущностная тождественность народов дореволюционной эпохи и советской

при противопоставлении советского и монархического государства, оснований их легитимации.

С середины XIX в. можно наблюдать, как государство перестало быть монополистом в интерпретации истории, поскольку альтернативные мнения начали раздаваться все громче и увереннее. Наконец, 1912 г. явил картину широкого плюрализма мнений и крайне радикальных трактовок войны 1812 г., существовавших рядом с традиционным патриотическим дискурсом. Последний тоже видоизменялся под влиянием саморепрезентации власти, где значительные перемены произошли после воцарения Александра III. В советскую эпоху, конечно, альтернативных мнений как таковых не было, и лишь по отдельным случаям можно понять, что «тотального» контроля над умами достичь не удалось – будь то споры историков или деятелей культуры. Тем или иным образом неофициальный дискурс существовал, хоть его проявления и не воспринимались широкими слоями общества, как проявления альтернативных точек зрения. По большей части общество пассивно воспринимало тот официальный нарратив относительно истории войны 1812 г., который ему подавало государство. В современной России альтернативный взгляд на историю войны хоть и присутствует, но на момент празднования юбилея в 2012 г. он не был сколь-либо доминирующим.

Наконец, следует сформулировать особенности коммеморативных практик как таковых, а затем в более общем ключе определить характер коммеморативных практик в России. Исследование показало, что коммеморации являются, в первую очередь, социокультурными конструктами, которые не сохраняют память о прошлом в неискаженном виде, а утверждают его версию, принятую сообществом или государством. Эти нарративы часто находятся в определенном противостоянии или конкуренции друг с другом: государство может стремиться подавлять неофициальные нарративы, чтобы оставаться монополистом на почве конструирования памяти о прошлом. Причем каждое сообщество может формировать свой собственный нарратив исторической памяти, который может радикально отличаться от других, известны примеры общественных дискуссий, основанных на противоречиях вокруг трактовок исторических событий. Государства и некоторые сообщества при помощи тех или иных практик и

ритуалов, конструирующих историческую память, преследуют какие-либо цели, будь то формирование или трансформация идентичности, легитимация и делигитимация политических режимов и многое другое. Создание исторической памяти посредством коммеморативных практик является непрерывным и нелинейным процессом, находящимся в острой зависимости от актуального социополитического и интеллектуального контекста. Новые события и идеи влияют на восприятие прошлого, а схемы интерпретации прошлого определяют понимание настоящего и влияют на попытки построения будущего.

Специфика конструирования исторической памяти в России заключается в том, что на протяжении всего рассмотренного периода общая логика и структура коммемораций, главным актором которых является государство, проистекает из типа формируемого нарратива – триумфального. В рамках такого нарратива государство саморепрезентируется в качестве высшей ценности, а все нарративы исторической памяти существуют в своеобразной дихотомии и их можно разделить на две большие группы: прогосударственные и непрогосударственные. В России, как и в других странах, коммеморации стали в той или иной степени постоянным элементом политики государства, направленным, пусть и с переменным успехом, на консолидацию общества.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

Публикации в научных изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий, рекомендованных ВАК РФ:

1. Уланов Ф. И. 200-летний юбилей Отечественной войны 1812 г.: практики коммеморации // Вестник РГГУ. Серия “Политология. История. Международные отношения”. 2018. №4. С. 54-64.
2. Уланов Ф. И. 5-летняя годовщина Отечественной войны 1812 года: практики коммеморации // Вестник РГГУ. Серия “Политология. История. Международные отношения”. 2020. №3. С. 76-88.
3. Уланов Ф. И. Коммеморативные практики 25-летнего юбилея Отечественной войны в 1837 и 1839 гг. // Диалог со временем. 2021. №75. С. 237 - 252.

Прочие публикации:

4. Уланов Ф. И. 125-летний и 130-летний юбилеи Отечественной войны 1812 г. в социополитическом контексте эпохи // История России с древнейших времен до XXI века: проблемы, дискуссии, новые взгляды: международная научно-практическая школа-конференция молодых ученых (11-14 октября 2021 г.): сборник статей. – М.: Институт российской истории РАН, 2021. С. 341 - 349.
5. Уланов Ф. И. 5-летняя годовщина Отечественной войны 1812 года как пример коммуникативных практик в истории России // Будущее нашего прошлого-5: История как коммуникативный проект: Материалы международной научной конференции. 14 ноября 2019 г. — М.: РГГУ, 2019. С. 260-270.
6. Уланов Ф. И. Коммеморативные практики полувекового юбилея Отечественной войны 1812 г. в интеллектуальном контексте середины XIX в. // Будущее нашего прошлого-7: историческая память и коммеморативные практики. Международная научная конференция Москва, 26–27 ноября 2021 г. — М.: РГГУ, 2022. С. 204-208.
7. Уланов Ф. И. Неслучившаяся революция: современная историография коммеморативных практик войны 1812 года // Будущее нашего прошлого-4: историография революций и революции в историографии. Материалы международного круглого стола. 13 декабря 2017 г. – М.: РГГУ, 2018. С. 103-111.